

Июнь без Мафую подходил к концу.

Уникальной чертой моих одноклассников в третьем классе первого года было то, что их увлечения недолговечны. И всё же, были люди, которые подходили ко мне и спрашивали о Мафую (и слухи о том, что мы вместе сбежали из дома, уже распространились по всей школе, что заставило меня серьезно задуматься о переводе в другое учебное заведение), и некоторые из них, которые, похоже, ничего не знали о классической музыке, даже попросили меня одолжить им диски Мафую.

Может, это из-за того, что место рядом со мной всегда пустовало.

Но благодаря моему скверному характеру, я неблагосклонно отнесся к новичкам, и решил сначала дать им русских композиторов Скрябина и Прокофьева. Несмотря на это, одноклассники, что занимали у меня диски, остались довольны.

— Это обалденно! Фотография на обложке очень впечатляет!

Иди и снова послушай диск!

— У Эбисавы дома два телохранителя! Даже я удивилась.

У нас был перерыв в репетиции на крыше. Кагуразака-сэмпай сказала это с радостной улыбкой.

— Изначально, я думала, что у неё дома будет немногочленно, а так как её дом еще и огромный, проникновение внутрь представлялось делом несложным — какие же наивные я строила догадки! К счастью, она поехала к врачу в тот день.

Значит, это действительно сэмпай тайком подсунула Мафую в сумку диск с нарисованной картой.

— Зачем ты сделала это?

Сэмпай чистила гриф гитары со снятыми струнами. Она наклонила голову на бок и сказала:

— Одним словом не описать! Мне казалось, что назревает нечто. Я подумала, а вдруг для Эбисавы Мафую и тебя это может плохо кончиться. Конечно, существовала также альтернативная возможность, что ничего не произойдет. Однако, если просто собрать толпу и дунуть в трубу еще не означает начать революцию! Если мы, люди, что-то захотим, то нам сначала надо посеять семена, которые могут и не взойти на дикой земле.

Для меня, кто совсем не поэтичен, это прозвучало так: «О, похоже, из этого может выйти что-то интересное, так что нужно попробовать». Поэтому я был ей совсем не благодарен.

Чиаки, выполнив «захват рукой» и «захват верблюда», завершила серию «поворотом кобры»*Вольный перевод названий приемов из реслинга.

— Больно, очень больно! Эти приемы не из дзюдо, да?

— Я столько раз тебе звонила, а ты даже не удостоился ответить мне сообщением!

— Прости! А-а-ай! — я многократно похлопал Чиаки по руке, прося пощады, но она не собиралась меня отпускать.

— Значит, говоришь, что встречался с Эбичири? Сказал ему, что ты мой сын? — недовольно спросил Тэцуро, пока я готовил обед. — Он всегда жалуется мне. Так как за международные звонки платит он, я специально всё говорю и говорю. Хе-хе!

— Он, наверняка, услышал моё имя, когда полицейский меня допрашивал.

Мне не слишком приятно об этом говорить, но значительная часть людей в музыкальных кругах знают имя сына Хикавы Тэцуро, Эбичири в их числе. Я решил думать именно так, потому что мне стало бы не по себе, скажи он что-нибудь вроде: «Я узнал тебя по внешности». Но, по словам Тэцуро, я больше похож на мать.

— Но это непохоже на моего сына, прибежать домой, погуляв с девочкой всего два дня! Надо было загадочно исчезнуть! Пусть твое отсутствие для меня в тягость, зато я бы увидел лицо этого глупца Эбичири, когда он готов реветь во весь голос!

Значит ценность моего существования связана с таким идиотизмом? Тогда в следующий раз мне стоит подумать над тем, чтобы взаправду убежать из дома...

— А, извини. Я просто шучу. Если тебя не будет дома, то я буду беспокоиться, и даже не посмею ходить ночью один в туалет...

— Тогда просто писайся в кровать!

— Ах да, в те две ночи между вами что-то произошло? Где вы это делали, мне не интересно, а

вот подробности расскажи, ведь я твой отец...

Я швырнул в Тэцуро пустую банку, и он заткнулся.

Июнь так вот и закончился.

Музыкальный кабинет так и остался нетронутым, потому что владелец ключей от двери еще не вернулся. Для меня не составляло никакого труда взломать замок, но Кагуразака-сэмпай сказала: «Это нарушение правил». Так как её подписи на моей заявке вступления в кружок не стояло, я пока не имел права вторгаться; к тому же, у меня не было намерения использовать эту комнату единолично.

Я не имел понятия почему, но меня больше не спрашивали о Мафую, и никто не интересовался, куда она уехала. Единственное, что я мог делать, это ежедневно практиковаться на крыше. Я даже выучил несколько новых песен.

Говорили, что Мафую уехала с отцом в Америку, хотя и на несколько дней позже запланированного. Я прочитал об этом в журнале, так что не был уверен в достоверности информации.

Она согласилась на проверки? Решила ли она поехать куда-нибудь на операцию? Даже мне было очевидно, насколько Эбичири души не чает в своей дочери. Если он устанет от того, что Мафую постоянно сбегает из дома, он может остаться в Америке навсегда.

Может, мне не доведется снова увидеть Мафую.

Представление Эбичири показали в Японии по спутниковому телевидению — одним из произведений, которые он дирижировал, был «Концерт для фортепиано с оркестром № 2» Рахманинова. У меня появилась робкая надежда, но пианистом оказался неизвестный мне исполнитель. Если даже её пальцы восстановились, она не могла так быстро вернуться к игре.

Я выключил телевизор и вспомнил Баха, что играла Мафую в тот день. Первый том «Хорошо темперированного клавира», прелюдия и фуга в до-мажор — невероятная сила, которая позволила мне вернуть тогда бас-гитару, возможно, исчезла без следа. Однако, сила музыки действительно велика. Если подумать, мне надо всего лишь засунуть серебристый диск в проигрыватель, нажать «play» — и Мафую появится передо мной.

Музыка — это всего лишь ноты и их порядок или созвучие. Это мы, люди, боящиеся одиночества, те, кто интерпретируем их множеством вариантов.

Мафую послала мне только один единственный конверт. Я получил его в воскресенье, после полудня. Увидев, что отправитель — Эбисава Мафую, я долго не мог в это поверить.

Внутри не было письма — там лежала только кассета. Я достал запылившийся проигрыватель и вставил её в деку. Из динамиков послышалась траурная прелюдия сонаты для фортепиано в ми-бемоль мажор.

«Соната для фортепиано № 26 в ми-бемоль мажор» Бетховена.

Это произведение Бетховен посвятил своему лучшему другу, с кем он был в разлуке из-за войны. К тому же, вопреки своим привычкам, он назвал её...

«Прощание»

Я передал проигрыватель Тэцуро, не говоря ни слова. Прослушав кассету, он сказал:

— Партии правой и левой рук были записаны отдельно, и затем соединены. Значит... её правая рука еще не восстановилась, да?

— М-м-м.

Но это действительно произведение, которое Мафую сыграла на фортепиано — я понял, когда услышал его. Скорее всего, оно было записано с помощью того диктофона, который я ей помог починить.

Дорогая ей вещь, которую оставила ей мать.

— Но она выбрала довольно ужасное произведение, не так ли? Она говорит тебе: «Прощай»! Какая жалость... но, наверное, ничего не поделаешь. Вся вина в том, что ты — мой сын, а значит, должен быть готов к тому, что у тебя не будет продолжительных отношений с женщинами!

— Просто заткнись и возвращайся к работе!

— Да, да...

Тэцуро схватил свой обед — бутерброд на тарелке — и вернулся в свой кабинет.

Я знаю, что сказанное Тэцуро — ложь. Эта соната действительно была написана, чтобы скорбеть о расставании, но также есть последующие части после «Прощания».

Вторая часть называется «Разлука», а третья — «Возвращение».

Итак, во время одного обеденного перерыва в раннем июле, задняя дверь нашего классного

кабинета распахнулась настежь.

— Товарищ Айхара, быстрее, пора уходить! Молодой человек, ты тоже поторапливайся. Ну же!
— прозвучал позади меня голос Кагуразаки-сэмпай.

Все в классе сосредоточили внимание на мне. Рука Чиаки остановилась на полпути к моему бэнто — у неё был очень удивленный вид.

Я обернулся и увидел, что на Кагуразаке-сэмпай была надета... повседневная одежда? Белая футболка с черно-белой фотографией Джима Моррисона и мини-юбка... О чем она, черт возьми, думает?

— Сэмпай, ты хочешь сказать — мы куда-то идем?

— В аэропорт. Рейс в 16:30, так что мы не успеем, если не выдвинемся сейчас! Поторапливайтесь!

— В аэропорт... Зачем?

— Как зачем? Срок заключения нашего товарища подошел к концу, и она возвращается. Разумеется, мы там затем, чтобы произвести операцию по высвобождению, когда её самолет приземлится!

Мы с Чиаки ненадолго переглянулись, и одновременно поняли значение слов сэмпай.

— Мафую... возвращается?

— Да. Но из-за того, что вместе с ней прилетает и её отец, они, наверное, сразу после прилета поедут к этим нудным старикашкам в музыкальный колледж. Аэропорт — наш единственный шанс нанести удар!

— Что? Подожди, у нас еще два урока классного часа вечером...

— Нет времени мешкать!

— Зачем так торопиться?

— Молодой человек, ты меня и впрямь удивляешь иногда. Тебе разве не известна причина? На следующей неделе ученический совет будет определять бюджет для кружков на следующий триместр. Нам не удастся получить деньги, если не предоставим форму с четырьмя участниками!

— Э?.. А кто четвертый?

— Благодаря одному бесполезному человеку, который не смог выполнить своё задание перед тем, как она уехала в Америку, это наш последний шанс.

— М-мы заставим её заполнить заявку сейчас?

Прежде, чем я смог закончить предложение, нас с Чиаки уже толкали чьи-то руки, или, точнее, руки множества людей — практически весь класс.

— Давайте, давайте!

— Отставник всё равно только и говорит, что о прошлом. Вы много не пропустите, даже если прогуляете!

— Вам не разрешается съедать вкусняшки, которые она привезла для нас!

В общем, одноклассники нас выдворили. Пожалуйста, не надо выбирать подобное время для того, чтобы показать, насколько вы едины, хорошо?!

— Мы вас отмажем!

А когда вас раскусят, что будете делать? Только я хотел этим возразить, как двери кабинета с грохотом закрылись. Будь они прокляты...

— Вы не будете переодеваться? Ну что ж, как мне с вами быть? Черт с ним, летняя форма все равно не похожа на форму, так что если вы снимите галстук и бабочку, все будет окей, так?

— Сэмпай, пожалуйста, не надо за нас принимать решения!

Я уже хотел продолжить протест, но Чиаки сняла с себя бабочку.

— Тогда почему бы тебе не остаться? Мне нужно много чего сказать Эбисаве, так что я должна поехать.

— Операцию, которую я запланировала, можно выполнить только втроем. Молодой человек будет приманкой — он отвлечет охранников.

— Я ни за что не пойду на это!

— Шучу. Выдвигаемся!

Сэмпай схватила меня за руку и рванула прочь от кабинета.

Что ж, наверное, я подчинюсь. Прогулять классный час — ничего страшного, правильно? Я, скорее всего, получу еще одну пощечину, если Маки-сэнсэй узнает об этом...

Когда мы выбежали через вход, с высоты послышался пронзительный крик птицы. Я поднял голову и посмотрел на небо. Я едва-едва смог открыть глаза из-за летнего солнца — я только увидел чёрную птицу, парящую в небе.

Конечно, этот вид птиц не обитает в Японии.

Или, может, на самом деле, обитает. Просто она всё ещё волочит свои потрепанные крылья по земле и думает, как бы ей расправить их и взлететь в небо.

Поэтому...

— Нао, быстрее! Иначе мы не успеем за сэмпай!

Чиаки стояла у ворот школы и бурно размахивала руками.

Я побежал к ней огромными шагами. И опять, он меня нагнал — зов птицы, донесшийся только что сверху; песня, вернувшаяся после того, как парила на краю неба.

<http://tl.rulate.ru/book/23394/498918>